

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТРУКТОРСКИХ МИССИЙ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Обратившись к теме изучения процессов модернизации Востока во второй пол. XIX в., стоит выделить использование элементов европейского военного дела и, прежде всего, военно-технического аспекта в преобразовании вооруженных сил стран Азии по европейскому образцу. Одной из граней сложного процесса военных преобразований в Азии являлось обучение европейскими военными инструкторами азиатских войск. Изучению этой проблематики во второй половине XIX ст. и посвящено наше исследование.

При обзоре существующей на сегодня историографии рассматриваемой проблематики используем анализ исторического материала по тем регионам Азии, где осуществляли служебную деятельность русские военные инструкторы. Российская инструкторская миссия в Китае 1858–1862 гг. попала в зону внимания публициста А. Буксгевдена¹ и офицера Генерального штаба подполковника П. Н. Симанского еще в нач. XX в.² А. Л. Нарочниц-

¹ Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Т. 1. Порт-Артур, 1902.

² Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка России и Японии к этой войне в политическом отношении. СПб., 1910.

кий³, А. Н. Хохлов в серии работ, опираясь на архивные документы российского МИД, изложили свою версию событий, связанных с посылкой в 1861 г. в Китай военной миссии под руководством штабс-капитана И. А. Зейфорта⁴. В дальнейшем военно-техническая помощь России цинскому Китаю еще не раз становилась объектом исследований современных историков. Так, И. М. Попов, обратившись к фондам РГВИА⁵, описывает эпопею вокруг планов посылки в Пекин в 1895–1900 гг. миссии полковника П. П. Воронова⁶. Расширили научные знания по этому вопросу на страницах военно-исторической прессы современные историки В. Г. Мерк⁷, В. Г. Дацышен⁸ и Е. В. Добычина⁹.

Достаточно обширную историографию имеет тема военной помощи Корею со стороны России в 1896–1898 гг. Российские власти приложили определенные усилия в организации регулярной армии короля Кореи по европейскому образцу. Историки В. С. Волков, Б. Д. Пак¹⁰, Ким Ен-Су, Б. Б. Пак, А. Н. Хохлов¹¹

³ Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. М., 1956. С. 122, 125.

⁴ Хохлов А. Н. Военная помощь России Китаю в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: История и экономика. М., 1967. С. 121–130; *Он же*. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории и историографии Китая: сб. ст. М., 1968. С. 203–244; *Он же*. Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю // Документы опровергают. М., 1982. С. 284–339; *Он же*. Л. Ф. Баллюзек — первый российский посланник в цинском Китае // Общество и государство в Китае, XXXVI научная конференция, М., 2006. С. 68–83.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив — далее РГВИА.

⁶ Попов И. М. Россия и Китай триста лет на грани войны. М., 2004.

⁷ Мерк В. Китайская армия во второй половине XIX — начале XX века: rubicon-club.narod.ru/kitay.doc.

⁸ Дацышен В. Г. Русский военный советник в Китае полковник П. П. Воронов // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 38–44.

⁹ Добычина Е. В. Разведка России о японском военном влиянии в Китае на рубеже XIX–XX веков // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 123–138; Добычина Е. В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке, 1895–1904 гг.: диссертация кандидата исторических наук. М., 2003.

¹⁰ Волков С. В. Русские военные инструкторы в Корею в 1896–98 гг. // Проблемы военной истории народов Востока. Вып. 2. Л., 1990. С. 153–160; Волков С. В. Деятельность иностранных военных инструкторов и реформы корейской армии в конце XIX — начале XX в. // Российское корееведение. Альманах. Вып. 5. М., 2007. С. 31–57.

Пак Б. Д. Россия и Корея. М., 2004. С. 278–286.

¹¹ Ким Ен-Су. Русские военные инструкторы в Корею и Корейская армия // Русский Сборник. Т. 2. М., 2006. С. 218–244.

рассматривали инструкторскую деятельность чинов русской армии в вооруженных силах Кореи в конце XIX в.

Наиболее разработанным в плане историографии являются вопросы, относящиеся к подготовке кадра персидской армии русскими военными инструкторами. Работе инструкторов в Тегеране посвятили свои исследования Н. К. Тер-Оганов¹², Ф. Казем-Заде¹³, С. Кронин¹⁴, О. А. Красняк¹⁵, О. А. Гоков¹⁶.

Деятельности военно-инструкторской миссии, направленной в 1884 г. из Ташкента в Бухарский эмират, посвящена статья С. А. Фалько¹⁷.

Источники по тематике нашего исследования обширны. Перу российских офицеров — участников инструкторских миссий принадлежат воспоминания В. А. Косоговского¹⁸, Афонасьева и Н. Ц. Гудзинского¹⁹, Мисль-Рустема²⁰, М. В. Соковнина²¹,

Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея. Книга вторая. 1888–1897. М., 2004. 272 с.

Хохлов А. Н. Д. В. Путята и его план модернизации корейской армии (1896–1898) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 15. СПб., 2013. С. 172–202.

¹² Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М., 2012.

¹³ Kazemzadeh F. The Origin and Early Development of the Persian Cossack Brigade // The American Slavic and East European Review. 1956. Vol. 15. P. 351–364.

¹⁴ Cronin S. Importing Modernity: European Military Missions to Qajar Iran // Comparative Studies in Society and History. 2008. Vol. 50. Is. 1. P. 197–226.

¹⁵ Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг.: По материалам архивов русской военной миссии. М., 2007.

¹⁶ Гоков О. А. Персидская казачья бригада в 1878–1895 гг.: Очерки истории в контексте внешней политики Российской империи относительно Ирана (по русским источникам) Саарбрюккен, 2017.

¹⁷ Фалько С. А. Военно-инструкторская миссия под руководством полковника К. В. Церпицкого в Бухарский эмират (1884 г.) // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / Гол. ред. В. М. Вашкевич. К., 2016. Вип. 109. (№ 6) С. 106–115.

¹⁸ Косоговский В. А. Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского. М., 1960.

¹⁹ Афонасьев 1-й, Грудзинский Н. Русские инструкторы в Корею в 1896 г. 1898 г. Хабаровск, 1898.

²⁰ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб., 1897.

²¹ Соковнин М. А. О современных корейских войсках // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 69. СПб., 1896. С. 1–96.

Э. В. Экка²². Их мемуары полезны для исследования и сравнения условий работы инструкторов в различных регионах. В своей работе автор также опирается на материалы РГВИА²³.

Задача исследования — изучить особенности работы инструкторов российской императорской армии в войсках азиатских государств в исследуемый период. Наряду со статистическим анализом, мы сравним работу инструкторов военных миссий²⁴ из европейских стран, Японии и США в странах азиатского материка во второй половине XIX в.

Автор благодарит доктора исторических наук М. К. Басханова, действительного члена Королевского общества по изучению Востока (г. Глазго, Великобритания), за деятельную помощь в проведении исследования.

Вопрос об участии в подготовке иностранных армий и военно-технической помощи в императорский период России — малоизученный как в теоретическом, так и событийном плане. Обобщающей работы по итогам деятельности миссий военных инструкторов России еще не создано. Мы ведем речь о явлении, у которого есть типология, количественные и качественные характеристики, сравнительная хронология.

Вспомнив историю экспорта организации военного дела по европейскому образцу в страны обширного азиатского континента, следует указать, что военные миссии из Европы появились на Востоке еще в конце XVIII — начале XIX в.²⁵

²² Экк Э. В. От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе 1868–1918. М., 2014.

²³ В исследовании использовались фонды РГВИА: Ф. 447. Китай. 1660–1916 гг.; Ф. 401. Военно-ученый комитет Главного штаба; Ф. 400. Азиатская часть Главного штаба Военного министерства; Ф. 1396. Туркестанский военный округ.

²⁴ Под термином военно-инструкторской миссии автор в контексте настоящего исследования подразумевает в первую очередь инструкторские функции военных миссий в исследуемый период. Вместе с тем любая военная миссия выполняет политические, военно-технические, разведывательные, культурные, финансовые и другие задачи, которые, как правило, ставит политическое и военное руководство страны, посылающей миссию.

²⁵ Первоначальным местом деятельности военных миссий из Европы были Турция и Персия (Более подробно см.: *Силин А. С.* Фон дер Гольц и его военная миссия в Турции // Германский империализм и милитаризм. Сборник статей. М., 1965. С. 64–91; *Кругов А. И., Нечитайлов М. В.* Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М., 2016). Значительных успехов при под-

География участия офицеров из Европы в военных преобразованиях армий азиатских стран довольно велика. Во второй половине XIX в. активнейшими участниками этих процессов выступали офицеры из Франции. Боевой опыт французской армии под Севастополем в 1854–1855 гг., во время войны с Австрией в Италии в 1859 г., во время колониальных войн в Алжире, в Мексике и Вьетнаме в 1860-х гг. свидетельствовали о хорошей организации военного дела во французской армии. В это время в Турцию, Японию, Персию были приглашены французские военные миссии.

Британские офицеры оказывали помощь Османской империи в войнах с Россией (1853–1856 и 1877–1878 гг.), а также Китаю в период подавления тайпинского восстания²⁶.

Кроме Франции и Британии использовали в своих военно-политических целях военные миссии в Азии и другие страны Европы. В 1859 г. в Тегеран направляется военная инструкторская миссия из Австро-Венгрии, а ранее в этой стране над обучением персидских сарбазов работали итальянские офицеры²⁷.

В последнюю четверть XIX в. инструкторская деятельность офицеров из Европы и США в Азии стала еще более динамичной и масштабной. Основными предпосылками для усиления активности и расширения сферы деятельности иностранных инструкторов в странах Востока стали европейские технологические достижения — нарезное оружие, бездымный порох и др. Усложнилось военное дело в целом, повысилось значение военного образования, усилилось влияние офицерского корпуса на организацию военных действий²⁸. После победы над Францией в 1870–1871 гг.

готовке войск в Египте во время правления Мухаммеда Али достигли французские военные инструкторы (Киселев К. А. Египет и государство ваххабитов: «война в пустыне» (1811–1818 гг.) // Новая и новейшая история, 2003. № 4. С. 120–132). Известно о факте участия в обучении турецких войск немецких инструкторов (*Jehuda W. L. Anatomie einer Militärhilfe. Die Preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919. Dusseldorf, 1976*).

²⁶ Каткова З. Д. Ли Хун-чжан и его иностранные советники // Общество и государство в Китае: XXXVI научная конференция. К 70-летию А. А. Бокшанина. М., 2006. С. 84–93; Heath Ian. The Taiping Rebellion 1851–1866. Bloomsbury USA, 2010.

²⁷ Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М., 2012; Slaby H. Bindenschild und Sonnenlöwe. Die Geschichte der österreichisch-iranischen Beziehungen bis zur Gegenwart. Graz, 1982. S. 146–206.

²⁸ Подробнее см.: Мак-Нил Уильям. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008.

первенство в военном деле перешло к немцам. С 1882 г. в османской армии начинает свою работу группа германских офицеров под руководством Фон дер Гольца²⁹. В 1884 г. китайское правительство привлекает к созданию новой армии большую миссию военных инструкторов из Германии³⁰. В 1885 г. реорганизовать военное образование в армии Микадо по немецкому образцу японское правительство приглашает немецких офицеров во главе с майором Я. Меккеля³¹.

Во второй половине XIX в. в Азии появляются военные инструкторы из России. К этому времени русская императорская армия уже имела определенный опыт военно-инструкторской деятельности³².

В Восточной Азии первое появление военных инструкторов из России связано с событиями второй опиумной войны, развернувшейся в 1859–1860 гг., когда правительство Цинской империи судорожно искало способы для остановки военной экспансии Великобритании и Франции в свою страну³³. С целью военно-тех-

²⁹ Силин А. С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века М., 1971; Jehuda W. L. Anatomie einer Militärhilfe. Die Preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919. Dusseldorf, 1976; Oliver Stein. Prussian-German Officers Traveling in the Middle East, 1835–1914: www.mwme.eu/essays/german-ottoman/_Stein_Traveling_Officers_/index.html.

³⁰ *Kaske Elisabeth*. Bismarcks Missionare: deutsche Militärinstruktoren in China 1884–1890. Wiesbaden, 2002.

³¹ Kerst G. Jacob Meckel, sein Leben, sein Wirken in Deutschland und Japan. Göttingen, Zurich, Frankfurt, 1970.

³² Еще в 30-е гг. XIX в. российские военные инструкторы были отправлены для обучения войск Молдавии и Валахии (*Гросул В. Я.* Россия и формирование национальных регулярных армий Молдавии и Валахии // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 141–146). В 1868 году военный министр Российской империи Д. А. Милютин посылает в Сербию миссию офицеров под руководством полковника Г. А. Леера (Ценные сведения по истории военной помощи России Сербии содержатся в работе *Нигалатия М. В.* Перспективы сербско-русского военного сотрудничества в 60-е — нач. 70-х гг. XIX в. Дисс... канд. истор. наук. М., 2009). Наиболее успешно действовали военные миссии из России в этом регионе уже после победы в войне с Османской империей 1877–1878 гг. Во время создания армии болгарского княжества и вооруженной милиции Восточной Румелии активно использовались чины русской армии (Более подробно см.: *Овсянный Н. Р.* Болгарское ополчение и Земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии 1877–78–79 гг. СПб., 1904).

³³ Первая попытка использования военных инструкторов из России в сложной политической игре в Азии была неудачной. В 1853 г. миссия, уже подо-

нической помощи армии богдыхана Петербург организовал военно-дипломатическую миссию в Пекин. Одной из задач миссии была подготовка китайских войск³⁴. И хотя успехи в обучении маньчжурских солдат и офицеров были весьма скромные, был получен определенный опыт организации инструкторских миссий в Китай³⁵.

Следующим эпизодом работы военной миссии русской армии на Востоке стало военное сотрудничество с Персией. В 1879 г. свою деятельность по созданию казачьих частей из персидских войск начали военные инструкторы России в Тегеране³⁶.

В 1884 г. для обучения сарбазов бухарского эмира была направлена военная миссия под руководством полковника К. В. Церпицкого³⁷.

Вслед за активизацией дальневосточной политики Российской империи в конце XIX в. были приглашены военные инструкторы российской армии в Корею в 1896–1898 гг. и Китай в 1898–1900 гг.³⁸

Приведенная ниже таблица позволяет оценить масштабы деятельности инструкторов русской армии в странах Азии во второй половине XIX в.

бранная и снаряженная для работы в Тегеране, была остановлена по политическим мотивам на границе с Персией и возвращена в Тифлис. (Подробнее см.: *Гоков О. А.* Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // *Русский сборник*. Т. 13. М., 2012, С. 74–96.)

³⁴ *Хохлов А. Н.* Л. Ф. Баллюзек — первый российский посланник в цинском Китае // *Общество и государство в Китае*, XXXVI научная конференция, М., 2006. С. 69.

³⁵ *Хохлов А. Н.* Военная помощь России Китаю в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. // *Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии : История и экономика*. М., 1967. С. 121–130.

³⁶ *Гоков О. А.* Персидская казачья бригада в 1878–1895 гг. : Очерки истории в контексте внешней политики Российской империи относительно Ирана (по русским источникам). Саарбрюккен, 2017.

³⁷ РГВИА. Ф. 400. Азиатская часть Главного штаба Военного министерства. Оп. 1. Д. 912. О командировании полковника Церпицкого, 13.12.1883–04.05.1885. 48 л.

³⁸ *Ким Ен-Су.* Русские военные инструкторы в Корее и Корейская армия // *Русский Сборник*. М., 2006. Т. 2. С. 218–244; *Дацышен В. Г.* Русский военный советник в Китае полковник П. П. Воронов // *Военно-исторический журнал*. 2012. № 5. С. 38–44.

	Время работы миссии	Состав
Цинская империя	Миссия под руководством штабс-капитана И. А. Зейфорта. Октябрь 1861 — январь 1862 г.	5 оф., 7 унтер-оф.
	Миссия под руководством полковника П. П. Воронова. 1897–1900 гг.	1 оф., 2 унтер-оф.
Корея	Миссия под руководством полковника ГШ Д. В. Путяты. 1896–1898 гг.	4 оф., 10 унтер-оф.
Бухарский эмират	Миссия под руководством полковника К. В. Церпицкого. Февраль 1884 г. — май 1884 г.	6 оф., 15 унтер-оф.
Персия	Миссия для подготовки персидских казачьих частей. 1879–1920 гг.	В 1879 г. 4 оф., 5 унтер-оф.

Анализ научной литературы, мемуаров и архивных материалов делает возможным подчеркнуть ряд особенностей инструкторской деятельности Военного министерства России в вооруженных силах государств Азии.

В Азии российским миссиям зачастую ставилась задача формирования частей, способных выполнять функции полицейского характера по защите пророссийски настроенных властей в Персии, в Бухарском эмирате или Корее, также рассматривались вопросы помощи русской армии в контроле над безопасностью коммуникационных линий, т. к., по мнению российских военных, более сложные задачи они решить были не способны³⁹.

Сравнивая работу русских военных в различных регионах, следует указать на различные цели миссий в Азии и на Балканах. Так, во время деятельности русских военных инструкторов в Болгарии, Сербии и Черногории главной целью ставилась задача организации боеспособной национальной армии, и прежде всего, национального офицерского корпуса. С этой целью русским Военным министерством в эти страны высылались учебная литература, используемая в военных учебных заведениях русской армии⁴⁰. Подобная картина не наблюда-

³⁹ РГВИА. Ф. 1396. Туркестанский военный округ Оп. 2. Д. 1380. О преобразовании бухарской армии и о командировании русских офицеров для обучения бухарцев. 6.11.1891–5.05.1895. Л. 5.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 401. Военно-ученый комитет Главного штаба. Оп. 4/928 (1885). Д. 43. О посылке военной миссии в Черногорию. 248 л.

лась в Персии, в Бухаре или в Корее. Здесь явно просматривалось нежелание русских властей усиливать те армии, с которыми, возможно, в дальнейшем придется столкнуться на поле боя⁴¹.

Политика использования военных инструкторов на Востоке во многом мотивировалась стремлением русских военных властей не отстать от других стран — европейских, США и Японии, которые также практиковали посылку военных инструкторов в страны Востока.

Деятельность иностранных инструкторов в сфере укрепления обороны Китая, Японии, Персии и Турции постоянно была предметом повышенного внимания со стороны русского Главного штаба и штабов азиатских округов. Сбор информации о такой деятельности велся системно и активно. Так, за деятельностью немецкой инструкторской миссии в Китае постоянно наблюдали военные агенты России в Китае. В 1885 г. военный агент в Китае полковник Н. Я. Шнеур докладывал в ВУК Главного штаба относительно деятельности инструкторов из Германии в Китае: «... в китайской армии появились крайне опасные для нас симптомы... <... > дело изменилось коренным образом с призывом одновременно нескольких десятков энергичных прусских офицеров»⁴². Сменивший Шнеура в 1887 г. на посту военного агента полковник ГШ Д. В. Путята так же внимательно наблюдал за работой немецких офицеров в войсках Цинской империи⁴³. В русском Главном штабе регулярно получали информацию о составе германских инструкторов и направлениях их деятельности⁴⁴.

Русские военные агенты в Константинополе регулярно доносили о мерах по усилению боеспособности турецкой армии, предпринимаемых немецкой военной миссией под руководством фон дер Гольца⁴⁵.

⁴¹ РГВИА. Ф. 400. Азиатская часть Главного штаба Военного министерства. Оп. 1. Д. 1541. О сокращении армии эмира бухарского 31.12.1891–20.10.1894 г. Л. 3.

⁴² РГВИА. Ф. 447. Китай. 1660–1916 гг. Оп. 1. Д. 20. О необходимости принять меры к обеспечению наших окраин, пограничных с Китаем. Л. 110.

⁴³ Фалько С. А. Военно-дипломатическая служба в Китае в эпоху правления Александра III (1881–1884 гг.) // Клио. СПб., 2015. № 2 (98). С. 136–146.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 401. Военно-ученый комитет Главного штаба Военного министерства. Оп. 4/928 (1889). Д. 6. О доставлении сведений военным агентом в Китае 1889 г. Л. 68.

⁴⁵ Подробнее см.: Силин А. С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971.

Какие же факторы влияли на успех выполнения инструкторскими миссиями европейских государств своих задач?

Важным показателем, характеризующим масштабы российской военной помощи в Азии, был численный состав миссий и наличие в ней представителей различных военных специальностей. Количественно состав русских военных миссий в Тегеране, Сеуле или Бухаре, организаторов обучения в Азии отличался от тех, которые направлялись для обучения армии княжества Болгарского или иррегулярных формирований Восточной Румелии⁴⁶.

Германия и Франция использовали на Востоке более многочисленные и универсальные по наличию специалистов различных военных специальностей миссии. В их состав входили военные инженеры, кавалеристы, артиллеристы, а иногда и морские офицеры. Не отставали от немцев и французов и британцы. С 1862 г. английские военные прилагали значительные усилия в деле создания армии на основе европейских военных методик в Китае⁴⁷. Системной в исследуемый период была военно-техническая помощь Франции в Японии. В 1867–1868 гг. французская военная миссия состояла из 16 инструкторов. Вторая французская военная миссия (1872–1880) включала в себя 9 офицеров, 14 сержантов⁴⁸. Была многочисленна и третья французская миссия (1884–1889).

В Османской империи офицеры французской армии организовывали обучение в турецких военных учебных заведениях по французской модели⁴⁹. В Персии 15 офицеров и сержантов из Франции с 1858 по 1861 гг. тренировали сарбазов шаха, а также способствовали формированию персидской артиллерии⁵⁰.

Помогали персам обучать пехотные части в 1879–1882 гг. 11 офицеров из Австро-Венгрии⁵¹. По данным немецкой ис-

⁴⁶ Овсяный Н. Р. Болгарское ополчение и Земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии 1877–78–79 гг. СПб., 1904.

⁴⁷ Хохлов А. Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории и историографии Китая: сб. ст. М., 1968. С. 225.

⁴⁸ Ichikawa, Shinichi. La Mission Iwakura (1871–1873) et la France: ce que virenten Europe les Japonais de l'epoque Meiji. 2003.

⁴⁹ Uyar, Mesut, Edward J. Erickson. A Military History of the Ottomans: From Osman to Ataturk. Santa Barbara, CA, 2009. P. 151.

⁵⁰ Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М., 2012. С. 39.

⁵¹ Там же. С. 48.

следовательницы Э. Каске, в 1884–1889 гг. в Китае обязанности военных инструкторов в германской миссии исполняли более 200 человек⁵². В Османской армии с 1882 г. по 1895 г. одновременно находилось 11 немецких офицеров различных военных специальностей, включая офицеров Генерального штаба⁵³. В 1883 г., после разгрома армии Араби-паша⁵⁴ и роспуска старой египетской армии, 26 британских офицеров, а также опытные сержанты приступили к созданию новой армии Египта по британскому образцу⁵⁵. Сопоставимо с российскими инструкторами по количеству участников миссии лишь число американцев, обучавших корейских солдат с 1888 г., их было 5 человек⁵⁶. В последней четверти XIX в. у европейских армий появляется новый соперник, досконально знавший военное дело, — инструкторы из азиатских армий, обученные по европейским стандартам⁵⁷. Для России применительно к Китаю и Корее в деле обучения войск этих государств таким соперником явились японские военные инструкторы.⁵⁸

Таким образом, по количественным показателям в Азии российские военные явно отставали от немецких, французских и британских военных. Шире был охват военных специальностей обучаемых европейскими военными инструкторами.

Продолжительность обучения азиатских войск является еще одним критерием оценки работы миссий. Небольшой временной

⁵² *Kaske Elisabeth*. Bismarcks Missionare: deutsche Militarinstruktoren in China 1884–1890. Wiesbaden, 2002.

⁵³ Свод военных постановлений 1869 г. Ч. 1. Военные управления. Кн. 1. Военное министерство и состоящие при нем особые учреждения Военно-окружные управления. 2-е изд. СПб., 1893. С. 63.

⁵⁴ Араби-паша, Ахмед (1842–1911) — государственный и военный деятель Египта. В 1879–1881 гг. участвовал в выступлении египетских офицеров против иностранного контроля над Египтом и засилья турок в египетской армии.

⁵⁵ Черчилль У. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии, 1897–1900. М., 2004. С. 173.

⁵⁶ Вебель Ф. М. Поездка в Корею Генерального штаба подполковника Вебель, летом 1889 года // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1890. Вып. 41. С. 192.

⁵⁷ Васильев А. Д. «Знамя и меч от падишаха»: политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI — начало XX в.). М., 2014.

⁵⁸ Добычина Е. В. Разведка России о японском военном влиянии в Китае на рубеже XIX–XX веков // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 123–138.

интервал работы военных инструкторов из России в большинстве из азиатских государств не обещал значительных результатов. Так было в Бухарском эмирате и в Корее и ухудшало результат деятельности русских офицеров. Причиной небольшого времени работы инструкторов в Корее и трудностей в деятельности офицеров российской армии в Тегеране следует считать как недостаток финансовых ресурсов этих стран, так и противодействие соперников России в Восточной Азии — Японии и Великобритании. В Персии главным соперником в борьбе за влияние на армию был Лондон. Исключением была длительная служба российских военных по созданию персидской казачьей бригады (далее — ПКБ), а обучение персов продолжалось с 1879 г. по 1920 г., была одним из факторов успеха работы миссии.

Для изучаемого такого исторического явления, каким были военные миссии, следует отметить такой показатель, как изменения в уровне подготовки офицерского корпуса азиатской страны. Так, в Османской империи миссия из Германии под руководством офицера Фон дер Гольца работала 12 лет и обучила в учебных заведениях целое поколение офицеров по немецкому образцу. Успешной была работа немецкой миссии в Японии под руководством майора Я. Меккеля по организации японских военных учебных заведений. В феврале 1896 г. для подготовки будущих офицеров в Сеуле русские инструкторы создали «кадетский корпус»⁵⁹.

Особенностью работы русских миссий в Азии было использование ресурсов азиатских военных округов для снаряжения и контроля над работой миссий. От окружных штабов в Тифлисе, Ташкенте, Хабаровске шла организация и подбор личного состава инструкторов в страны, граничащие с зоной ответственности военных округов. Для стран балканского региона на юге Европы российскими военными использовались абсолютно другие подходы к снаряжению миссий⁶⁰. Здесь всем руководил Главный штаб из Петербурга, а состав миссий часто набирался из войск Гвардии и армейских офицеров. В Азии, например, в 1884 г. штаб округа в Ташкенте, организовывая миссию, ис-

⁵⁹ Ким Ен-Су. Русские военные инструкторы в Корее и Корейская армия. С. 231.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 401. Военно-ученый комитет Главного штаба. Оп. 4/928 (1885). Д. 43. О посылке военной миссии в Черногорию. 248 л.

пользовал чины Туркестанских линейных батальонов⁶¹, в Хабаровске для подборки инструкторов в Корею в 1896 г. отбирали офицеров восточно-сибирских стрелков⁶². В Тегеран миссию снаряжал штаб Кавказского округа.

В организации миссий и на Балканы, и в Азию были и общие черты. Они были связаны с особенностью организации военно-политической власти императорской России. Последнее слово при принятии решений внешнеполитического характера всегда оставалось за царем. Касалось это и решений по отправке военных миссий на Балканы и в азиатский регион.

Сопутствующей темой работы миссий на Востоке была поставка вооружений для азиатских армий. Оружие и боеприпасы доставляли параллельно с деятельностью миссий европейцев в странах континента⁶³. Вызывает интерес тот факт, что в указанных поставках оружие было передано в дар, с целью привлечения симпатий восточных правителей⁶⁴. Немцы, французы, американцы и англичане практически всегда оружие продавали. Таким образом, с 50-х гг. XIX в. возникло глобальное, индустриализованное оружейное предпринимательство⁶⁵.

⁶¹ РГВИА. Ф. 400. Азиатская часть Главного штаба Военного министерства. Оп. 1. Д. 912. О командировании полковника Церпицкого, 13.12.1883–04.05.1885. Л. 28.

⁶² *Ким Ен-Су*. Русские военные инструкторы в Корею и Корейская армия. С. 223.

⁶³ Отличительной особенностью русской помощи государствам Востока была безвозмездная помощь. Немцы и французы вели поставки только на коммерческой основе. Поставки оружия со стороны России Китаю, Персии, Бухаре или Корею значительно отличались как от объемов германских поставок стрелкового оружия и артиллерии в армию Османской империи и Цинского Китая, так и от поставок российского же оружия в изучаемый период в Болгарию или Черногорию, где счет шел на десятки тысяч единиц (РГВИА. Ф. 401. Военно-ученый комитет Главного штаба Военного министерства. Оп. 4/928. (1888) Д. 50. О передаче 30 тысяч винтовок Бердана 16.01.1888–11.02.1888. 56 л.).

⁶⁴ Россией в 1861–1862 гг. китайцам были переданы 10 000 ружей и 6 орудий. В 1879 г. русские военные вручили 600 ружей представителям Персии для формирования ПКБ и 4 орудия в дар шаху. В 1884 г. с оружейных складов Туркестанского военного округа Бухаре было передано 1 000 винтовок, в 1887 г. эмиру Бухары дополнительно поставлено 1 000 берданок. В 1896 г. российский пароход инкогнито доставил партию стрелкового оружия из Владивостока в Чумульпо. Здесь 3 000 берданок были переданы для обучения солдат короля Коджона российскими офицерами.

⁶⁵ *Мак-Нил Уильям*. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. С. 276.

Инструкторская деятельность на Востоке, наряду с работой официальных и негласных военных агентов России и посылаемых под различными предлогами в азиатские государства русских офицеров, приносила определенные плоды в деле всестороннего изучения жизни восточных обществ⁶⁶. Важной функцией инструкторских миссий был сбор сведений о стране пребывания⁶⁷. К примеру, в инструкции штаба Туркестанского военного округа полковнику К. В. Церпицкому, командированному в 1884 г. в Бухару для подготовки бухарской армии, содержался перечень вопросов, выяснение которых представляло интерес для окружного штаба⁶⁸.

Деятельность российских миссий в Азии имела ряд проблем и недостатков, влияющих на ее эффективность. В первую очередь, своеобразно решался кадровый подбор офицеров для командирования в иностранные армии. Офицер русского Генерального штаба капитан Э. В. Экк вспоминал: «... офицеры были выбраны Главным штабом по округам исключительно по аттестационным спискам, причем брались аттестованные, без чьих-либо рекомендаций. Результат получился блестящий»⁶⁹. Однако, на наш взгляд, этот отзыв капитана Э. В. Экка о качественной подборке офицеров в миссию не совсем справедлив. Подготовка, в языковом отношении, проверка профессиональных знаний, педагогических способностей не всегда проводились должным образом. Слабой была страноведческая подготовка. Результатом этих просчетов был языковой барьер между офицерами и унтер-офицерами российских миссий и обучаемыми. Напомним, в России с 1883 г. уже действовали офицерские курсы восточных языков. Однако выпускники, как правило, назначались на службу

⁶⁶ Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г. : библиогр. словарь. М., 2005.

⁶⁷ Рябиков П. Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время // Антология истории спецслужб : Россия, 1905–1924. М., 2007. С. 153.

⁶⁸ РГВИА. Ф. 400. Азиатская часть Главного штаба Военного министерства. Оп. 1. Д. 912. О командировании полковника Церпицкого, 13.12.1883–04.05.1885. Л. 30; РГВИА. Ф. 1396. Туркестанский военный округ. Оп. 2. Д. 131 О сборе подробных сведений о вооруженных силах ханства бухарского. 29.01.1884–8.12.1884. Л. 2.

⁶⁹ Экк Э. В. От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе 1868–1918. М., 2014. С. 37.

по административной линии⁷⁰. Ко времени активного вовлечения России в политику на Востоке (1880–1900 гг.) подготовка военно-востоковедных кадров только началась, и те, кого успели подготовить (а это были офицеры со знанием арабского, персидского и турецкого языков), по роду знания языка могли быть использованы только в Персии. Подготовка специалистов по дальневосточным языкам еще не началась⁷¹.

В этой обстановке важное значение имела частная инициатива офицеров, возглавлявших миссии, их личные и профессиональные качества. В большинстве случаев руководили миссиями офицеры Генерального штаба, чья высокая профессиональная подготовка обеспечивала успешное выполнение поставленных задач. Примером успешной работы была инструкторская деятельность офицеров Генерального штаба — полковника В. А. Косовского в Тегеране, полковника Д. В. Путяты в Сеуле, а также полковника К. В. Церпицкого в Бухаре.

Важным фактором, влияющим на деятельность русских военных миссий в Азии, было отсутствие единого взгляда между военным и внешнеполитическим ведомствами России на вопрос о целях и характере работы инструкторов. Как правило, представители Главного штаба и штабов азиатских военных округов занимали более активную позицию, чем дипломаты, по вопросам об инструкторской деятельности в приграничных странах. Особенно энергично за использование военных инструкторов выступали русские военные агенты в странах Азии. Например, в 1895 г. полковник Генерального штаба Д. В. Путята, бывший военный агент в Пекине, хорошо знакомый с обстановкой в регионе, настаивал на более энергичной политике России в Корее, предлагая направить туда российских военных инструкторов. С этой целью им была составлена обстоятельная докладная для Главного штаба⁷². Подобную точку зрения от-

⁷⁰ РГВИА. Ф. 401. Военно-ученый комитет Главного штаба Военного министерства. Оп. 1 (1888). Д. 29. О личном составе курсов восточных языков 9.02.1888–11.08.1888. 113 л.; *Вигасин А. А., Хохлов А. Н., Шаститко П. М.* История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997. С. 127.

⁷¹ Подробнее см.: *Басханов М. К.* Русские военные востоковеды до 1917 г. : библиогр. словарь. М., 2005.

⁷² *Хохлов А. Н.* Д. В. Путята и его план модернизации корейской армии (1896–1898) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 15. СПб., 2013. С. 178.

стаивал и другой военный агент в Китае, полковник Генерального штаба К. И. Вогак, опасавшийся усиления японского влияния в китайской армии и настоятельно рекомендовавший Петербургу взять обучение китайской армии на севере страны под русский контроль с помощью посылки военных инструкторов⁷³.

Российские дипломаты занимали более осторожную позицию и реально оценивали политические последствия для России от военного сотрудничества с Персией, Китаем или Кореей. Кроме того, влияние дипломатов на выработку политики в вопросах военного сотрудничества было зачастую весьма существенным.⁷⁴ Интересно в этой связи замечание Александра III, сделанное в 1885 г. в инструкции военному агенту в Китае Н. Я. Шнеуру, направлявшемуся в Сеул для изучения вопроса о возможности посылки в эту страну русских военных инструкторов. Император ограничивал политическую инициативу Н. Я. Шнеура: «Во время пребывания в Корее он должен старательно устраниваться от политических вопросов. Цель поездки должна заключаться лишь в собирании сведений о военных средствах Кореи»⁷⁵.

Исследование позволяет утверждать об определенных чертах деятельности военно-инструкторских миссий Российской империи в Азии. Как правило, они были немногочисленны, действовали в приграничных с Россией странах, их организации предшествовал сложный процесс межведомственных согласований и оценок военно-политических последствий и рисков. Как пример таких подходов можно привести выдержку из одного документа, датированного 1891 г. и относящегося к непредсказуемости послед-

⁷³ *Добычина Е. В.* Внешняя разведка России на Дальнем Востоке, 1895–1904 гг. : диссертация кандидата исторических наук. М., 2003. С. 77.

⁷⁴ Следует обратить внимание и на неосуществленные проекты отправки военных инструкторов. Такие случаи имели место в Корее в 1884 г., с которой велись активные переговоры о посылке инструкторов из России. (Подробнее см.: *Гоков О. А., Фалько С. А.* Жизненный путь офицера Генерального штаба: Николай Яковлевич Шнеур на службе России (1848–1894) // *Русский Сборник*. Т. 13. М., 2016. С. 186–208). Практически безрезультатно закончились и длительные переговоры 1895–1896 гг. о направлении в Китай русской миссии инструкторов. Уже в начале XX в. без последствий окончилась инструкторская миссия в Тибет (См.: *Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006).

⁷⁵ РГВИА. Ф. 447. Китай. 1660–1916 гг. Оп. 1. Д. 11 (2). Донесения русского военного агента в Китае полковника Шнеура о китайских войсках в Маньчжурии. 1884–1887 гг. Л. 130.

ствий оказания военной помощи бухарскому эмиру в случае военного конфликта России с Великобританией: «<...> едва ли он сам сознает, на чью сторону он встанет, если ожидаемое столкновение действительно произойдет, вероятно на сторону того, кто окажется сильнее»⁷⁶.

Безусловно, что важнейшая функция российских военных инструкторов, как и миссий из других стран, была задача реализации военно-политического, экономического и культурного влияния в стране, где они выполняли свои обязанности. В архивных документах Военного министерства Российской империи четко прослеживается политическая составляющая такой деятельности. Стоит добавить, что в реализации этой первоочередной задачи русские военные миссии мало чем отличались от действий военных из других стран.

Практика использования Россией инструкторских миссий в азиатских странах указывала всему военному истеблишменту передовых стран Европы и США, что Петербург имеет планы на активную политику в Азии. Вместе с тем участие российских военно-инструкторских миссий в модернизации азиатских армий свидетельствовало об уровне развития русской императорской армии, не уступавшей по своим возможностям армиям наиболее развитых стран мира той эпохи.

Деятельность офицеров русской армии по модернизации армий Персии, Кореи и Бухары сыграла определенную роль в процессах военного строительства в этих странах. Деятельность российских военных инструкторов в ряде армий восточных государств, наряду с деятельностью иностранцев по линии гражданской администрации в этих странах, можно рассматривать в качестве составного элемента модернизации восточных обществ.

Заметный вклад в изучение стран и армий Востока в военном ведомстве России вносили и офицеры, исполнявшие обязанности военных инструкторов в Персии, Корее, Бухаре и Китае. Их деятельность имела позитивное значение для развития знаний и представлений о странах Востока.

По масштабности военных миссий в государствах Азии, их продолжительности и эффективности и степени влияния в долгосроч-

⁷⁶ РГВИА. Ф. 400. Азиатская часть Главного штаба Военного министерства. Оп. 1. Д. 1541. О сокращении армии эмира бухарского 31.12.1891–20.10.1894. Л. 3.

ной перспективе Россия уступала ведущим европейским странам. Исключение в этом отношении составляет миссия в Персии, в которой российским военным сопутствовал реальный успех в организации инструкторской работы.